

С.В. РЫЖОВА

РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

РЫЖОВА Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (Silica2@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена оценке роли религиозности, понимаемой как вера, идентичность и поведение, в межнациональных отношениях на православно-исламском пограничье. На основе опроса 2017 г. в Башкортостане установлено, что религиозность вне зависимости от конкретной конфессиональной принадлежности позитивно влияет на межэтнические отношения и способствует межэтнической толерантности. Переживание тесной связи с единоверцами является фактором, формирующим культуру доверия. В отличие от верующих, неверующие, напротив, в меньшей степени склонны принимать людей иной национальности в сфере формальных и тесных неформальных отношений, а также меньше доверяют представителям иных этнических и конфессиональных групп. Делается вывод, что наиболее распространенные среди жителей республики элементы религиозного поведения обеспечивают поддержание социальных связей и вследствие этого оказываются действенным ресурсом межэтнического согласия.

Ключевые слова: религиозность • межэтнические установки • этноконфессиональная идентичность • религиозная идентичность • межэтнические отношения • этническая толерантность

DOI: 10.31857/S013216250004006-9

Постановка исследовательской задачи и определение ключевых понятий. В условиях социально-политической нестабильности и дефицита гражданских структур 1990-х гг. религиозность и этничность стали для россиян основой формирования новых макроидентичностей. Сегодня 85% наших соотечественников считают себя верующими¹, произошло признание религии на государственном уровне, ее вклада в поддержание традиционных ценностей и нравственного единства. Между тем значимость массовой религиозности не ограничивается исключительно функциями социальной консолидации. В постсоветский период она превратилась в активный элемент этнического самоопределения и политического позиционирования. Дискуссии в публичном пространстве о роли религии (в первую очередь православия и ислама) в сохранении традиционных ценностей народов России и обсуждение религиозных мотиваций политических действий, религиозных источников терроризма и экстремизма побуждают человека к самоопределению в этнических и религиозных категориях. Как социальное явление этноконфессиональная идентичность формируется под влиянием религиозного фактора в процессе социальных и межэтнических взаимодействий. Она является одной из форм этнической идентичности и возникает, когда религиозность становится значимым маркером этнического самоопределения. Именно

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 14-18-01963П.

¹ Данные 24 волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS–HSE), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>; <http://www.hse.ru/rhms> (дата обращения: 10.05.2018).

поэтому она обладает большим потенциалом социальной регуляции в сфере межэтнических отношений.

Изучение этноконфессиональной идентичности продуктивно с позиций теории межгрупповых отношений и «воображаемого сообщества», теории этнических границ (Ф. Барт) и социальной дистанции. Исследования К. Лича с соавторами показали, что любая интрагрупповая идентичность включает в себя пять элементов: 1) значимость для человека (выраженность идентичности); 2) восприятие внутригрупповой гомогенности (насколько однородной видится группа ее членами); 3) приверженность группе и готовность разделять ее ценности и цели (групповая сплоченность); 4) позитивные эмоции, связанные с членством в группе (удовлетворенность членством); 5) готовность членов группы разделять общую судьбу и воспринимать друг друга как похожих людей (самостереотипизация). Тестирование этих элементов на российской выборке показало их культурную универсальность [Агадуллина, Ловаков, 2013], а опросы российских буддистов [Шорохова, Хухлаев, 2016] и мусульман подтвердили исследовательский потенциал данной модели идентичности.

Г. Тэджфел и Дж. Тёрнер показали, что социальная идентичность, в том числе и этническая, формируется у человека в результате восприятия себя членом какой-либо социальной группы (реальной и/или категориальной) и ее положительной оценки [Tajfel, Turner, 1986]. Соответственно, этнические границы, очерчивающие группу, являются социальными границами, поскольку создаются людьми, а собственно этничность оказывается формой социальной организации культурных различий. При этом в расчет принимаются не все этнокультурные характеристики, а лишь те, которые признаются актуальными и значимыми. Субъективное восприятие этих границ и меры близости между этническими (этноконфессиональными) общностями определяют культурную дистанцию между ними. Преодолению этнических границ и уменьшению культурной дистанции способствует доверие людей друг другу – обобщенное, межличностное, межгрупповое (в том числе межэтническое и межконфессиональное). Оно помогает поддерживать терпимое отношение к многокультурности и в таком качестве близко к толерантности, понимаемой как «моральный идеал» [Николсон, 2001; Штомпка, 2014; Рыжова, 2017].

Хотя этноконфессиональная и религиозная идентичности тесно друг с другом связаны, их не стоит отождествлять. Первая является более массовой, групповой; она неразрывно связана с этническим единством, и о ней можно говорить, когда этничность и религиозность позиционируются в публичном пространстве как недифференцируемые категории. Вторая более личностная, приватная; она имеет непосредственное отношение к моральному единству и в мировоззренческом смысле отражает личные взаимоотношения верующего с Богом. Еще можно выделить политическое измерение этноконфессиональной идентичности, отражающее участие религии в формировании политических ценностей и установок. С социологической же точки зрения говорить об этноконфессиональных процессах можно лишь в том случае, когда связь этнического и религиозного самосознания воспринимается обществом как восстановление исторической преемственности², становится элементом повседневности, включается в дискурс власти³, имплицитно присутствует в образовательном стандарте⁴.

Религиозность является одним из устойчивых маркеров этнической идентичности, не очень сильным в мирное время, но обладающим большим потенциалом этногрупповой

² Можно с уверенностью констатировать, что на уровне массового сознания православие сегодня признается как религия русских, ислам – как религия народов Урало-Поволжья и Кавказа, буддизм – как религия бурят, калмыков и тувинцев.

³ Статус традиционных религий России как «исторического наследия народов» нашей страны закреплен в преамбуле ФЗ от 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях». Кроме того, в президиум Межрелигиозного совета РФ входят главы четырех традиционных религий России, а в числе его целей значится противодействие использованию религиозных чувств в разжигании межэтнических конфликтов. При этом соединение религиозности и этничности не умаляет ценности мировоззренческой религиозности как личной веры в Бога и позволяет ей вписаться в традиционные культурные рамки.

⁴ Имеется в виду введение в программу школьного образования модуля «Основы религиозных культур и светской этики».

мобилизации в ситуациях межэтнической напряженности. При радикализации сознания собственная этничность приобретает «сверхценное» религиозное измерение, и тогда этноконфессиональная идентичность наделяется сакральным статусом. На сегодняшний день социальный потенциал религиозности при формировании и поддержании межэтнических отношений в различных регионах нашей страны изучен недостаточно. В условиях российской полиэтничности является ли она фактором межэтнического согласия или, наоборот, способствует укреплению этнических границ и усилению культурной дистанции? Мы полагаем, параллельное изучение религиозных и этнических процессов позволит более глубоко и разносторонне ответить на поставленный вопрос.

Эмпирическая база исследования. Наиболее ярко взаимосвязь религиозности и этничности проявляется в ситуациях тесного межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Следовательно, продуктивно изучать социальный потенциал религиозности, например, в условиях исторически сложившегося православно-исламского пограничья. Именно поэтому в июле 2017 г. в рамках проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» нами было проведено исследование среди жителей Республики Башкортостан (РБ). Религиозность в данном исследовании мы рассматривали как *веру, социальную идентичность и поведение*. Для ее измерения использовались следующие индикаторы: самоидентификация респондентов как «верующих» (и «скорее верующих»), ощущение сильной связи с единоверцами (проявление религиозной/этноконфессиональной идентичности), следование религиозным практикам.

Отбор респондентов производился методом квотной районированной выборки, представляющей структуру населения региона – были заложены квоты по полу, возрасту, образованию и национальности (башкиры, татары, русские). Всего в опросе приняло участие 1035 чел. из 14 городов и 15 сельских районов, представляющих 6 геоэкономических зон республики: Центральную, Западную, Южную, Северо-Западную, Северо-Восточную и Уральскую.

Религиозность и этнические установки. Процессы этноконфессиональной самоидентификации в Башкортостане проявляются достаточно отчетливо: 87% башкир и 85% татар считают себя мусульманами, а 81% русских – православными. В этноконфессиональном отношении это регион с исламским большинством (59%). Здесь высока религиозность населения в целом: 79% верующие, 70% ощущают связь с единоверцами и 65% признают, что религия играет важную роль в их жизни. Столь же высоки для башкортостанцев субъективная значимость этнической идентичности и этническая солидарность: 80% никогда не забывают о своей национальности и 78% полагают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей этнической общности. Каких-либо существенных различий по данным показателям в этническом разрезе не наблюдается.

У верующих этнические связи выражены сильнее. Так, 32% верующих и лишь 17% неверующих ощущают тесную связь с людьми своей национальности⁵. Аналогичным образом актуальность этнической идентичности и этническая солидарность выше у тех, для кого религия играет важную роль в жизни. В то же время религиозность населения не мешает формированию в республике благоприятных межэтнических отношений: большинство (79%) считают их позитивными. Стоит особо обратить внимание, что верующие чаще, чем неверующие, оценивали данные отношения как доброжелательные, а неверующие, напротив, чаще, чем верующие, отмечали внутреннюю межэтническую напряженность (табл. 1).

Согласно Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО⁶ (1995) умение сотрудничать с людьми независимо от их этнической, расовой и религиозной принадлежности является нормой социальных взаимодействий. Как «моральный идеал» этническая

⁵ Задавался вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, то о ком вы могли бы сказать: “Это – мы”? В какой степени вы ощущаете близость с людьми вашей национальности?» Варианты ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости».

⁶ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (дата обращения: 10.05.2018).

толерантность выражается в поиске консенсуса в принятии решений, уклонении от насильственных методов урегулирования конфликтов, открытости для сотрудничества с людьми любой национальности. В Башкортостане одним из факторов ее [этнической толерантности] формирования оказывается религиозность, которая способствует сокращению дистанции в межэтнических взаимодействиях, повышению готовности принять человека другой национальности не только в сфере формальных (например, трудовых), но и тесных межличностных отношений – в качестве супруга, друга, соседа (табл. 2).

Таблица 1

Оценка межэтнических отношений в Башкортостане
(% от опрошенных)

Характер межэтнических отношений	Верующие	Неверующие	В целом по РБ
Позитивные	76	66	79
доброжелательные	33	21	33
спокойные	43	45	46
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	14	23	16
Напряженные	4	5	4
На грани открытых столкновений	1	0	1

Таблица 2

Установки межэтнической толерантности в Башкортостане
(% от опрошенных)

Готовность принять человека другой национальности в качестве...	Верующие	Неверующие
начальника	60	53
коллеги	71	63
соседа	72	63
друга	69	59
супруга	60	52

В целом уровень межэтнической толерантности, понимаемой как ориентация на мирное разрешение возникающих споров и противостояний, в республике довольно высок: 78% ее жителей вне зависимости от этнической принадлежности полагают недопустимым насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах. Тем не менее в случае гипотетического конфликта, когда нарушается справедливость в отношении их народа или веры, примерно треть башкортостанцев (35%) готовы согласиться с насильственными методами его разрешения, а чуть менее половины (45%) считают, что любые средства хороши для защиты интересов их народа. Если же рассмотреть эти данные через призму этничности и религиозности, то можно заметить интересные закономерности. Так, у русских установки мобилизации (готовность к применению насилия в случае нарушения справедливости в отношении их народа или веры) сильнее выражены среди неверующих, а у башкир, напротив, среди верующих (табл. 3).

Вместе с тем доля сторонников религиозного радикализма, одобряющих тех, кто готов с оружием в руках защищать чистоту своей веры, в Башкортостане не велика: 3% мусульман и 7% православных. Большинство же уверено, что это «преступники, с которыми следует бороться» (47% мусульман и 46% православных). Однако около четверти жителей региона (24% мусульман и 28% православных) проявляют к ним сочувствие («эти люди заблуждаются, но их в чем-то можно понять»), и примерно столько же затруднились

Таблица 3

Этнополитические установки башкир, татар и русских Башкортостана
(% от опрошенных)

Этнополитические установки	Башкиры		Татары		Русские		В целом по РБ
	верующие	неверующие	верующие	неверующие	верующие	неверующие	
Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	78	82	77	72	79	74	78
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	34	40	29	30	37	53	35
Все средства хороши для защиты интересов моего народа	50	36	35	33	50	60	45

с ответом (23%), что говорит о значимости темы радикализма в публичном пространстве республики. Среди неверующих доля осуждающих религиозный радикализм несколько выше – 54 против 46% среди верующих.

Политический вектор основных конфессий Российской Федерации выражается в стремлении оказывать влияние на принятие государственных решений. На уровне массового сознания такое стремление находит поддержку у 38–40% жителей РБ вне зависимости от религиозной принадлежности. При этом в равной мере поддерживается влияние на государственную политику и исламских, и православных институтов – Духовных управлений мусульман (41% мусульман и 38% православных) и Русской православной церкви (40% мусульман и 45% православных). Как и следовало ожидать, среди неверующих поддержка их политического влияния несколько ниже, чем среди верующих – 25 и 31% соответственно.

Религиозность и культура доверия. Культура доверия, складывающаяся в полиэтничном пространстве России, способна стать действенным фактором межэтнического согласия. Обобщенное, межэтническое и межконфессиональное доверие, а также доверие власти разного уровня являются базовыми условиями для развития гражданской консолидации и благоприятного климата межэтнических отношений. В Башкортостане уровень обобщенного доверия составляет 41% (табл. 4). Аналогичное значение данного показателя (практически не различающее у русских и нерусских) наблюдается и в иных ранее исследованных нами регионах – Московской, Астраханской, Калининградской областях и Ставропольском крае [Мукомель, Рыжова, 2017].

Таблица 4

Уровень обобщенного доверия в Башкортостане
(% от опрошенных)

Как вы считаете, можно ли доверять большинству людей?	Башкиры	Татары	Русские	В целом по РБ
Большинству людей точно можно доверять	10	8	10	9
Большинству людей скорее можно доверять	31	31	36	33
В целом доверяют	41	39	46	41
Большинству людей скорее нельзя доверять	34	34	26	32
Большинству людей точно нельзя доверять	18	20	20	19
В целом не доверяют	52	54	46	45
Затруднились ответить	7	7	8	7

Таблица 5

Межконфессиональное и межэтническое доверие в Башкортостане
(% от опрошенных)

Насколько вы доверяете...	Башкиры	Татары	Русские
	Православным		
Полностью доверяют	15	14	25
Скорее доверяют	58	57	51
В целом доверяют	73	71	76
Скорее не доверяют	23	25	20
Совсем не доверяют	3	4	4
	Мусульманам		
Полностью доверяют	18	18	19
Скорее доверяют	60	53	50
В целом доверяют	78	71	69
Скорее не доверяют	19	26	26
Совсем не доверяют	2	3	5
	Людям других национальностей		
Полностью доверяют	13	10	17
Скорее доверяют	49	49	45
В целом доверяют	62	59	62
Скорее не доверяют	24	27	20
Совсем не доверяют	3	3	5

В то же время уровень межэтнического и межконфессионального доверия в Башкортостане выше, чем уровень обобщенного доверия (табл. 5). Взаимное межконфессиональное доверие охватывает большую часть конфессиональных сообществ республики: 63% мусульман доверяют православным и 60% православных доверяют мусульманам. Уровень обобщенного доверия тесно связан с религиозностью: он снижается до 33% среди неверующих (против 45% среди верующих) и до 34% среди не ощущающих связи с единоверцами (против 47% среди ощущающих такую связь).

В соответствии с моделью социальной идентичности К. Лича ощущение сильной связи с единоверцами⁷ может служить индикатором выраженности религиозной идентичности и ингрупповой сплоченности, свидетельствующим об их *интенсивности*. Нами было установлено, что интенсивная религиозная идентичность в Башкортостане является фактором, поддерживающим культуру доверия. Среди респондентов, не ощущающих связи с единоверцами, ключевые показатели доверия, необходимые для поддержания межэтнического согласия, значительно ниже, чем среди тех, кто такую связь ощущает (табл. 6).

Религиозное поведение и межэтническое согласие. Религиозность россиян редко проявляется на уровне конфессионально регламентированного поведения, подразумевающего элементы духовно-аскетической практики. Согласно социологическим опросам, доля практикующих их крайне невелика и не превышает 10–15%. Гораздо чаще, в том числе и в Башкортостане, она проявляется в обеспечении социальной интеграции и нравственных оснований взаимодействия, чем в ключевых признаках религиозной вовлеченности, таких как участие в богослужении, ежедневная молитва, чтение священных текстов, пост и т.п.

⁷ Задавался вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, то о ком вы могли бы сказать: “Это – мы”? В какой степени вы ощущаете близость с людьми вашей веры, того же вероисповедания, что и вы?». Варианты ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости».

Таблица 6

**Уровень доверия в Башкортостане в зависимости от интенсивности религиозной идентичности
(% от опрошенных)**

Доверяют	Ощущают близость с единоверцами	Не ощущают близости с единоверцами
Людям других национальностей	70	43
Православным	76	41
Мусульманам	76	41
Правительству России	78	47
Представителям республиканской власти	72	37
Представителям местной власти	65	34

Для того чтобы оценить распространение элементов религиозного поведения⁸, мы просили респондентов выбрать из предложенного списка любое количество ответов, соответствующих их образу жизни. Хотя верующих в республике почти 80% и 65% полагают, что религия играет важную роль в их жизни, институциональные практики, сопутствующие религиозной мировоззренческой идентичности, традиционно понимаемой как общение человека с Богом, оказались мало популярными среди ее жителей: лишь 7% ежедневно молятся, 5% регулярно посещают церковь/мечеть для участия в богослужении, 7% соблюдают пост/уразу, 6% читают священные тексты. Наиболее же востребованными среди основных этнических групп РБ оказались следующие элементы религиозного поведения: 1) посещение церкви/мечети для участия в обрядах жизненного цикла; 2) обращение к Господу/Всевышнему с просьбой, поминовение усопших, принесение «малой жертвы» (поставить свечку/дать садака); 3) редкая молитва; 4) следование религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми (табл. 7).

Перечисленные практики являются выражением социально-коммуникативного аспекта современной религиозности. Акцент на нормативной и обрядовой стороне религиозного поведения в полной мере отражает внешний, интеграционный характер религиозности и ее роль регулятора социальных отношений. В пользу данного вывода говорит выявленная нами тенденция: среди тех, для кого религия не играет важной роли в жизни, стремление следовать нормативным религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми существенно снижается – с 37 до 18%, а среди не посещающих церковь/мечеть для участия в религиозных обрядах жизненного цикла – с 36 до 25%. Данная тенденция одинаково проявляется во всех исследуемых этнических группах. Среди выбравших из перечня религиозных практик позицию «старюсь следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми» вырастают базовые показатели межэтнической толерантности: до 85% не приемлют насильственные методы урегулирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов и до 90% согласны, что «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России». И в этом можно найти действенный источник позитивных межнациональных и межконфессиональных отношений в республике.

Заключение. Религиозный фактор в межэтнических отношениях проявляет себя дифференцированно и зависит от исторических и институциональных рамок взаимодействия. В разных локальных средах и культурных контекстах, а также под влиянием политических факторов потенциал российской религиозности будет колебаться и выполнять функции

⁸ Для оценки религиозного поведения на православно-исламском пограничье нами вместе с Р.Н. Мусиной был составлен перечень религиозных практик (своеобразная «шкала» религиозного поведения от наиболее слабых к наиболее строгим элементам), включающий также позиции, отражающие нормативное и приватное измерение религиозности. Основные критерии религиозной вовлеченности унифицировались применительно к религиозному поведению мусульман и православных.

Таблица 7

Религиозное поведение башкир, татар и русских Башкортостана
(% от опрошенных)

Элементы религиозного поведения	Башкиры	Татары	Русские	В целом в РБ
В церкви/мечети был только на экскурсии	7	4	6	5
Бываю в церкви/мечети редко, только для участия в обрядах (крещение, венчание, отпевание/исем кушу, никах, жиназа*)	40	34	36	36
В церковь/мечеть хожу в основном для того, чтобы поставить свечку/дать садака	33	31	32	32
Регулярно посещаю церковь/мечеть для участия в богослужении, общей молитве/пятничной молитве и богослужении	3	5	7	5
Иногда молюсь своими словами или читаю молитвы (редкая молитва)	25	24	22	23
Ежедневно молюсь своими словами или читаю молитвы	6	7	7	7
Читаю Библию, Евангелие/Коран	6	5	8	6
Соблюдаю пост/уразу	8	4	8	7
Регулярно исповедуюсь и причащаюсь/ежедневно совершаю пятикратный намаз	0	1	3	2
Стараюсь следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми	35	26	30	31
Не стремлюсь участвовать в богослужении и выполнять религиозные обряды; главное – верить в душе	16	17	18	17

Примечание.*Обряды наречения имени, бракосочетания, поминовения.

или поддержания межконфессионального диалога и, соответственно, позитивных межэтнических отношений, или выстраивания и укрепления этнических (этноконфессиональных) границ. Например, данные проведенного нами исследования показывают, что среди русских Башкортостана установки этнополитической мобилизации (готовность к применению насилия в случае нарушения справедливости в отношении их народа или веры) выше среди неверующих. У башкир же наблюдается обратная ситуация – готовность любыми средствами защищать интересы своего народа выше среди верующих, чем неверующих. На первый взгляд, это говорит о большем потенциале этнической мобилизации со стороны исламской духовности, но в то же время, установки татар, которые в большинстве тоже являются мусульманами, не подтверждают подобных допущений.

В целом, можно заключить, что ислам и православие в республике как исторически сложившиеся религиозные традиции не формируют в массовом сознании жесткие этнические границы и не способствуют созданию «далеких» культурных дистанций. Религиозность проявляется, прежде всего, в обеспечении социальной интеграции и поддержании социальных связей, в том числе межэтнических и межконфессиональных, выражая тем самым солидаристские общественные ориентации.

В той форме, в какой религиозность сложилась на уровне массового сознания и поведения, она играет значимую роль в сохранении и укреплении межэтнического согласия. Как *вера* она оказывает позитивное влияние на межэтнические отношения и культуру доверия (среди верующих, например, выше уровень доверия к людям и больше оптимизма в оценке межэтнических отношений в республике) и повышает готовность принять человека другой национальности не только в сфере формального, но и близкого неформального взаимодействия. Интенсивная *религиозная идентичность* (то есть переживание тесной связи с единоверцами) также способствует поддержанию культуры доверия

в Башкортостане: не ощущающие связи с единоверцами в меньшей степени, нежели ощущающие ее, склонны доверять представителям других национальностей и конфессий, институтам власти разного уровня и людям вообще. В свою очередь, наиболее распространенные среди жителей РБ элементы *религиозного поведения* – следование нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми и участие в обрядах жизненного цикла – обеспечивают поддержание социальных связей, что указывает на преимущественно социально-коммуникативный характер современной российской религиозности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
- Мукомель В.И., Рыжова С.В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 37–46.
- Николсон П. Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. 2001. № 1. С. 129–146.
- Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 44–63.
- Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2014.
- Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Worchel S., Austin V.G. (eds) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Статья поступила: 17.05.18. Принята к публикации: 24.10.18.

RELIGIOSITY, ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITY AND PROBLEMS OF INTERETHNIC ACCORD

RYZHOVA S.V.

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia

Svetlana V. RYZHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Department of Ethnosociology, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (Silica2@yandex.ru).

Acknowledgements. This research was supported by Russian Scientific Foundation, project № 14-18-01963P(П).

Abstract. The article is devoted to the assessment of the role of religiosity in interethnic relations in the Orthodox-Islamic borderland; religiosity is seen as faith, identity and behavior. Based on the 2017 survey in Bashkortostan, it is established that religiosity positively influences interethnic relations and promotes interethnic tolerance. Experiencing a close relationship with coreligionists is an element that forms a culture of trust. It is concluded that the socio-communicative nature of modern religiosity allows it to be an active resource of interethnic accord.

Keywords: religiosity, interethnic attitudes, ethnoconfessional identity, religious identity, interethnic relations, ethnic tolerance, interethnic accord.

REFERENCES

- Agadullina E.R., Lovakov A.V. (2013) Measurement Model of In-group Identification: Validation in the Russian Samples. *Psikhologiya* [Psychology]. Vol. 10. No. 4: 143–157. (In Russ.)
- Mukomel V.I., Ryzhova S.V. (2017) Trust and Distrust in Interethnic Relations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 37–46. (In Russ.)
- Nicholson P. (2001) Toleration as a Moral Ideal. *Tolerantnost'. Vestnik Ural'skogo mezhhregional'nogo instituta obshchestvennyh otnoshenij* [Toleration]. No. 1: 129–146. (In Russ.)

- Ryzhova S.V. (2017) Religiosity in the Context of the Culture of Trust. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 23. No. 3: 44–63. (In Russ.)
- Shorohova V.A., Huhlaev O.E., Dagbaeva S.B. (2016) The Interconnection of Values and Religious Identity among Buddhist Schoolchildren. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 12. No. 1: 66–75. (In Russ.)
- Sztompka P. (2014) *Trust: A Sociological Theory*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Tajfel H., Turner J. (1986) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin V.G. (eds) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall: 7–24.

Received: 17.05.18. Accepted: 24.10.18.